

Михаил Игнатенко

Мобильник: Призрачная надежда

«Каждая эпоха порождает свои раскаяния [противоречия], но конец двадцатого века очень печальный. Мы потеряли своё мужество, азарт, своё сердце. Ты когда-нибудь видел расплюснутую машину на автостраде, проезжая мимо со скоростью 70 миль в час? Это мы, детка. И я кричу небесам, что не должно быть никаких путей, никаких слов, никаких пределов. Просто игра в кости, смена темноты дневным светом и способность смеяться, иногда, над тем, что захватило нас в капкан».

Ч. Буковски

КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

17 октября 2005 года. Нью-Йорк.

Где-то внизу, под толщей стали и бетона, в одном из подвальных помещений самого высокого небоскреба в Америке находится компьютер. Самый обыкновенный компьютер, который можно было приобрести в любом из магазинов компьютерной техники буквально две недели назад. Ничем не примечательный компьютер. Помещение, в котором находится компьютер, поглощено тьмой. Лишь работающий экран освещает клочок стола, да небольшую часть клавиатуры.

Неопрятного вида мужчина стряхивает с себя прожженное в нескольких местах одеяло, вскакивает с пола и быстро подходит к столу. Напяливает на нос очки и устремляет безумный взгляд в экран. Его губы что-то безмолвно шепчут, пальцы судорожно стучат по клавишам. Пряди грязных волос спадают на стекла очков, но он не обращает на это внимания. На экране появляются строчки чисел и букв, сменяя друг друга и образуя дьявольскую последовательность символов. Постепенно выражение лица мужчины меняется, возбужденность плавно перетекает в глупую радость. Затем приходит ликование, но мужчина его старательно сдерживает, словно не веря в происходящее. Для начала он просто улыбается.

«Код исправлен», - говорит он вслух дрожащим голосом.

Его пальцы трясутся от нетерпения. На секунду он исчезает во мраке помещения, слышны лишь шлепки его босых ног о бетонный пол, а затем все вокруг озаряется холодным светом флуоресцентных ламп. У дальней стены, справа от компьютера на трансформаторном щитке на специальной подставке стоит древнего вида мобильный телефон. Тяжелый на вид, перемотанный изоляционной лентой, с зеленым экраном. Множество проводов, переплетаясь, уходят от него вверх и исчезают в перекрытии потолка. Уходят до самого верха мира, сквозь симбиоз бетона и стали по стенам лифтовых шахт на кровлю Эмпаер Стейт Билдинг. Туда, откуда трансляция сигнала наиболее эффективна.

На экране телефона полоски сигнала показывают максимум. Прием стабильный, сомнений нет. Мужчина, трясаясь от возбуждения, подходит к компьютеру, и какое-то время смотрит на клавиатуру. Ему не верится, что этот день настал. День, когда он достиг идеального баланса в коде программы, повергнув человечество в пучину хаоса во второй раз. На этот раз окончательно.

Трясущимся пальцем он нажимает на клавишу «ввод», и его ноги подкашиваются, как только он видит открывающееся диалоговое окно программы с надписью «ожидается звонок». В плаче мужчина опускается на пол, закрывая лицо руками. Он начинает выть. И вой его сливается со смехом, когда древнего вида телефон начинает звонить, издавая примитивную мелодию. Трель звонка льется по подвалу, эхом отражаясь от стен. Но он даже не смотрит на телефон. Этот человек валится на бок и с хохотом катится по холодному полу. Он не смотрит на телефон, потому что это не имеет значения. Уже ничто не имеет значения. В подземной клетке с забетонированным входом для этого человека с самого начала ничто не имело значения.

Раздается легкий щелчок, и на дисплее телефона появляется отчет времени разговора. Надпись на экране монитора сменяется на «генерация импульса». Мужчина на полу замирает, вслушиваясь в тишину и легкий треск помех. Все также с руками у лица, словно боясь взглянуть на то, что он натворил.

- Эй, Джонни-малыш, - доносится чей-то приглушенный голос из телефонной трубки. - Тел-тел-тебе-тебе.

Мужчина на полу издает легкий смешок. По его грязным щекам текут слезы умиления.

- Джонни, - мечтательно произносит он услышанное имя, словно отец, обращаясь к новорожденному сыну. – Джонни-малыш, мой мальчик.

Лежа на полу мужчина говорит:

- Принимай эстафету.

18 лет спустя. Нью-Эйдж Сити, бывший Нью-Йорк.

- Они когда-нибудь закончатся? – спросил молодой парень в обшарпанной болоньевой куртке и выцветших джинсах. – Сколько я тебя помню, ты только и делаешь, что вывозишь мусор.

- Рано или поздно это случится. Ну, а если хочешь знать мое мнение, - проговорил мужчина постарше, хватаясь за очередной полиэтиленовый мешок с трупом, - этого добра нам хватит до конца дней своих. – Возьми-ка другой конец.

Парень взял пакет за противоположный конец и поднял до уровня бедер.

- На счет «два».

Через мгновение мешок полетел в зияющую темноту карьера. Ударяясь о край склона, он противно шелестел.

Парня помоложе звали Билли. Его напарник Том (которого Билли звал не иначе как «дядя Том») занимался вывозом «мусора» уже добрых семнадцать лет с

тех пор, как люди северной части Нью-Эйдж Сити отгородили свой район от остальной части города, в которой обитали мобилоиды. История эта давно стала легендой, несмотря на столь, казалось бы, короткий срок. Да и о каких сроках может идти речь? В мире, где кучка психов способна парить над землей и управлять остатками человечества, время утратило смысл. С момента падения человечества очень многие вещи утратили смысл. Даже само слово «смысл» более не таило в себе ничего значительного. Это было просто слово, на подобии тех, что пишут на заборах, вроде «отсоси» или «я имел твою сестру, мобилоид». Люди были озабочены лишь одной целью – выжить, часто не отдавая себе отчета в том, для чего им это нужно. Для этого они были готовы заниматься чем угодно, в том числе и вывозить «мусор».

- Забавно, что все называют это «мусором», - сказал Билли, поднимая очередной мешок. – Я хочу сказать, это, так или иначе, люди, пусть и мобилоиды.

- Ради Бога, Билли, не носи ерунды.

- А что? Разве я не прав?

- Бросаем на счет «два». Раз, два... - Очередной мешок покатился по склону и исчез на дне карьера. – Конечно, ты прав, но к чему вдаваться в подробности? Ты же знаешь, что нам запрещено об этом говорить. И вообще, странно слышать подобные рассуждения от парня, который родился на закате человечества.

Билли довольно ухмыльнулся.

- Смерть сопровождает тебя по жизни с пеленок, а ты вот-вот начнешь рассуждать о ценности человеческой жизни. Хотя... - Мужчина внезапно умолк, словно шнур, который питал его энергией, выдернули из розетки. – Наверное, я просто устал, чтобы о чем-либо задумываться, - закончил он.

Какое-то время мусорщики стояли молча в тишине, вглядываясь в горизонт, где в серой пелене тумана виднелось самое высокое в «новом» мире здание. Оно светилось в предзакатных сумерках, словно бенгальский огонь посреди бетонных джунглей – безликих, полуразрушенных зданий – и казалось единственным обитаемым местом на планете. Новый Оплот человечества, так его здесь называли. Нового человечества, костяк которого составляли мобилоиды. Не те мобилопсихи, о которых дядя Том мог рассказывать часами (видит Бог, ему было о чем поведать), а совершенно другие, усовершенствованные существа, получившие обновленный сигнал 18 лет тому назад. Идеальный в своей чистоте сигнал, лишенный прорех в коде и с нулевой вероятностью отказа. Мобилопсихи эпохи «Порватого» ушли в небытие и о них постарались забыть, как о досадном недоразумении; на их место пришли мобилолюди новой эры, способные не только передвигаться по воздуху, но и адекватно мыслить, говорить. Не говоря уже про телепатические способности, которые в новой реинкарнации мобилолюдей достигли своего предела.

Что до простых людей, то вся ненужная информация со временем просто стиралась из их памяти, излишне активная мозговая деятельность во время трансляции блокировалась сигналом с крыши Оплота. Остатки разумного человечества были вынуждены обитать на отшибе цивилизации, словно крысы на

краю свалки. В нищете, выполняя прихоти новой расы, во главе которой стоял...некто могущественный, о ком не разрешалось даже думать.

Несколько раз в сутки с крыши бывшего Эмпаер Стэйт Билдинг исходил сигнал с закодированным посланием. Лишенные воли и ведомые невидимой рукой, люди строили стены, возводили странные стальные конструкции, рыли карьеры. Никто не знал, для чего все это делается. Любая попытка осмыслить происходящее, тут же блокировалась. Помимо этого, они трудились на заводах и фабриках, поставляя за периметр еду, одежду и все необходимое мобилолюдям. Ближе к концу недели, чаще всего по пятницам, сигнал призывал вывозить «мусор» из-за пределов периметра, куда мусорщики попадали на специальном поезде, состоящим из десятка платформ, на которые и грузились мешки с телами.

В редкие часы, когда сигнал не транслировался, люди торопились жить и предавались всем радостям жизни, которые только могли себе позволить. Они спешили в свои укрытия (по привычке их называли «домами»), чтобы почувствовать себя живыми и свободными. Они испытывали искреннее наслаждение от чтения книг, сна, еды, общения друг с другом, воспитания детей (у кого детей не было, тот не тратил время даром). Люди спешили жить, пока сигнал вновь не начинал транслироваться, поработавшая волю и чувства, заставляя вновь идти на работу.

- Не понимаю, - нарушил молчание парень, не отрывая взгляда от светящегося небоскреба наполовину скрытого мглой.

- Ты о чем?

- Если за периметром царит настоящая жизнь, как это принято считать, тогда почему каждую пятницу поезд привозит десятки тел?

Мужчина промолчал. То ли не знал ответа, то ли просто не хотел говорить. Или думать.

- Легенда гласит, что сигнал был идеальным, без изъяна в коде. Он заменил собою старые команды, уничтожил червя, из-за которого произошел сбой в программе. Произошла перезагрузка. Услышавшие сигнал мобилоиды, превратились в людей новой эры, которые и поработили нас. Тогда...

- Во время трансляции нельзя об этом говорить! - зашипел на парня Том, опасливо оглядываясь по сторонам. – Ты прекрасно об этом знаешь.

- ...почему они продолжаютдохнуть, как мухи? Что там происходит?

- У нас еще много работы, Билли, хватит болтать, - спешно сказал мужчина и потянулся к очередному мешку с телом. – Сейчас неподходящее время.

- Неужели у тебя не возникало желания во всем разобраться, Том? – настаивал парень. – Может, мы смогли бы изменить ситуацию...

- Нет! – Том резко встал на ноги.

- Они слабеют, дядя Том, разве ты не видишь?!

- Замолчи!

- Это наш шанс!

Словно почувствовав что-то неладное, со дна карьера взметнулась стая ворон.

Возможно, последнюю фразу парень сказал слишком громко, возможно, вложил в свои слова чересчур много эмоций, это не имело значения. Во время трансляции нельзя проявлять активность. Сигнал, посланный из-за стен периметра, заставил парня заткнуться.

Билли замолчал, изменившись в лице. Взгляд потускнел, лицо вытянулось.

- Надо работать, - пробубнил он и отработанным движением потянулся к мешку с трупом. Сквозь полиэтиленовый пакет на него смотрело распухшее женское лицо, на котором эмоций было не больше, чем на его собственном. – Бросаем на счет «два».

Том с горечью посмотрел на парня и тяжело вздохнул, взявшись за мешок.

- Вот тебе и ответ.

Надежда живет в каждом из нас. Часто она умирает вместе с нами. В новом обществе надежда жила далеко не в каждом и умирала задолго до смерти самого человека. Мысль о побеге или создании собственного независимого общества приходила в головы людей, но не получала развития. Днем ее блокировал сигнал, посылаемый с крыши Оплота, а по вечерам на это не оставалось ни сил, ни времени. Особо активные люди, призывавшие к борьбе с мобилоидами, заканчивали свою жизнь на дне мусорного карьера, где в их отважных телах без конца копошились крысы.

Постепенно страх в сердцах людей сменился равнодушием, которое тут же пустило корни в сердца и умы следующего поколения. Многие смирились. Людям нужен был лидер, который смог бы провести их сквозь мрак и тернии к свету. Но еще больше они нуждались в покое и стабильности, и, похоже, сложившаяся ситуация многих вполне устраивала.

Вот почему на идею поехать за периметр мать Билли отреагировала однозначно.

- Выкинь это из своей дурной головы, - заявила Дениз с упреком в голосе. – Ты погубишь себя, а заодно и всех нас.

- Я отправлюсь туда на поезде, - сказал Билли, проигнорировав слова матери, - в эту пятницу вместе с другими мусорщиками. Мы погрузим тела, все будет как обычно. С той лишь разницей, что в этот раз поезд вернется без меня.

- Ты с ума сошел! – вскрикнула женщина.

- Хорошо, что ты не назвала его Адамом, - иронично заметил Том, сидя в потертом кресле с чашкой чая в руке. – В свете нынешних событий это было бы слишком банально.

- Том! – воскликнула Дениз. – Почему ты так спокоен? То, о чем он говорит – чистое безумие, самоубийство!

- Остынь, Дениз.

- Остыть?! Не для того я сражалась с мобилопсихами, будучи беременной, чтобы мой сын вот так вот запросто отправился на верную смерть восемнадцать лет спустя!

- Он пойдет не один, - сказал Том все так же спокойно. Отставив чашку в сторону, он посмотрел на женщину. – Я отправлюсь вместе с ним.

По вечерам сигнал не транслировался, поэтому Том в который раз рассказал Билли о былых временах, не боясь, что их мысли прочтут и заблокируют, а участок памяти сотрут. Он рассказал о славном парне по имени Клай, о том как они подорвали цистерну с пропаном на футбольном поле, отправив на тот свет ни одну сотню мобилопсихов с их чертовыми бумбоксами. О том как Клай ушел искать своего сына, но так и не вернулся.

- Мы рисовали стрелки на дорогах, по которым двигались, чтобы он мог нас найти. Но Клай так и не появился, - сказал Том.

Мужчина сидел в кресле у стены, рядом на тумбочке с которым горело несколько свечей. Поскольку электричество было только за периметром, там, где обитали мобилоиды, простые люди вынуждены были пользоваться огнем. Все помещение было уставлено свечами: они стояли на полу, на специальных полках у стен, на стульях.

Билли сидел в центре помещения, как и Дениз, образуя некий треугольник, в центре которого горело несколько свечек.

- Думаешь, он нашел своего сына? – спросила Дениз Тома.

- Я не знаю, - признался Том. – Надеюсь, он его нашел, и они живут где-нибудь на севере, где достаточно холодно для мобилоидов. Но я бы не поручился, что эти твари не приспособились жить при нулевых температурах. Они сильно изменились с...

- С момента повторного импульса, - закончила за него Дениз.

Том кивнул.

- К тому же, мы шьем для них одежду...

- Он нашел своего сына, - внезапно сказал Билли, глядя на огонь свечей. Он выглядел задумчивым и погруженным в свои мысли.

- Что? – Дениз с Томом переглянулись.

- Его сына зовут Джон, не так ли? Клай нашел его через несколько дней, после того как вы распрощались на 160-м шоссе.

- Что?! – Дениз с раскрытыми от удивления глазами приблизилась к сыну. – Откуда ты это знаешь? Я никогда не рассказывала об этом. Том?

Мужчина отрицательно покачал головой. На его лице так же читалось удивление.

- Он нашел его, - продолжил Билли, не обращая внимания на вопросы матери. - Да только было поздно. Джонни был одним из «них», и Клай ничего не мог с этим поделать. Но он пытался. Думал, что сможет научить сына вновь быть человеком. Но как он не старался, Джонни все больше походил на собаку, чем на человека. С космами волос, пустым взглядом. Ночью мальчик спал под кроватью, свернувшись в клубок. Иногда он просыпался и по несколько минут отчаянно кричал. Клай жалел сына, но не мог ему помочь. Не мог даже пристрелить. И тогда он решил на отчаянный шаг...

Билли посмотрел на мать.

- Он набрал на мобильнике номер и прислонил телефон к уху сына.

- Боже мой, - выдохнула Дениз.

- Ровно восемнадцать лет назад, - прошептал в ужасе Том. – В день второго импульса...

- Думал, что поможет. – Билли горько усмехнулся. – Да только по роковому стечению обстоятельств, вышло наоборот. Малыш Джонни стал первым, кто услышал обновленный импульс. В его голове произошла перезагрузка программы, и именно ему было суждено стать...

- Новым «президентом Гарварда», - закончила за него Дениз. По ее щекам текли слезы. – Он занял место Порватого.

- Не смотря на свой малый возраст, он возглавил разобщенные части мобилоидов. Это может показаться нелепым и даже смешным, если не принимать во внимание потенциал его новых телепатических возможностей. Возраст и физическая сила не играют роли, когда одной лишь силой мысли вы способны творить невероятные вещи.

Ошарашенные Том с Дениз понимающе кивнули.

- Словно Моисей, он повел их за собой, - продолжил Билли, - в город под названием Нью-Йорк, который в былые времена называли «червивым яблоком», и основал там новую цивилизацию. Вот кого следует называть Адамом. - На лице парня появилось подобие улыбки. - Малыш Джонни сорвал запретный плод и, не смотря на гнильцу, он показался ему довольно сладким.

- Господи Иисусе, - пробормотал Том.

- Уже восемнадцать лет он живет на вершине Оплота, возглавляя расу мобилоидов. Он тот, о ком нельзя даже думать. – Билли посмотрел на собеседников. – В течение года я вижу один и тот же сон. Настолько реальный, что порой сложно понять, где сон, а где явь. Я вижу, что было, и знаю, что должно произойти.

- Почему мы не видим эти сны?

Том положил руку на плечо плачущей женщины.

- Дениз, все, что происходит – неслучайно, - сказал он успокаивающим голосом. – Тебе было суждено выносить ребенка на закате человеческой расы. Выжить самой и родить мальчика, который поведет за собой людей к спасению. К новой жизни без мобилоидов.

Дениз больше не скрывала слез. Она рыдала, стоя на коленях, взяв сына за руку.

- Ну надо же, - сказал Том, оглядывая Билли с головы до ног, будто видел его впервые. - Ты прямо-таки Джон Коннор. Поверить не могу.

- Кто такой Джон Коннор?

Дениз усмехнулась сквозь плачь, а Том только махнул рукой.

- Это неважно. Почему ты нам ничего не говорил? Все это время.

- В целях безопасности. – Билли пожал плечами. – Мобилоиды могут прочесть ваши мысли днем и тогда всему конец. Но теперь это не имеет значения,

потому что я знаю, что нужно делать. Все это время я притворялся, выпытывал из вас информацию о городе за периметром, задавал вопросы. Не давал мобилоидам повода что-либо заподозрить, а заодно и вам. И это сработало.

- И что ты теперь намерен делать?

- Прошлой ночью ко мне во сне явился... - Билли остановился на полуслове.

- Я не знаю, кто это был, он не сказал. Но он подсказал мне, что нужно делать.

- Клай? – удивленно спросил Том, подавшись вперед. – Это был Клай?

Билли покачал головой.

- Клай мертв и это был не он.

Дениз ахнула, но ее сын не обратил на это внимания.

- Тот, кто явился ко мне во сне, сказал, что нужно делать. И я намерен это сделать с вашей помощью или без.

- А ты... – начал было Том, но Билли прервал его не дав закончить.

- Для сомнений нет времени. Я хочу, чтобы вы поверили мне и прогнали сомнения вместе со страхом из ваших сердец. Время пришло. - Билли взял мать за руку. - Я знаю, это не поможет, но все же – постарайтесь не думать об этом разговоре до пятницы. Я сглупил, рассказав вам о своих планах раньше времени, простите меня. Теперь ОНИ будут копаться у вас в голове...

- Ничего, сынок, все будет хорошо, - успокоила сына Дениз. – Мы с Томом справимся. Верно я говорю, Том?

- Конечно, - ответил мужчина. – На свете полно вещей, о которых можно думать.

- Спасибо вам, - сказал парень, виновато опустив взгляд. - А теперь нам всем нужно поспать, завтра будет тяжелый день.

С этими словами Билли встал с пола и направился к своей лежанке.

- Эй, Билли, - позвал его Том.

Парень обернулся, застыв посередине помещения.

- Клай...как он умер? – спросил Том.

- Ты уверен, что хочешь это знать?

- Скажи нам, - попросила Дениз.

Парень тяжело вздохнул и, повернувшись, пошел в свой угол. Тому показалось, что Билли ничего не скажет, но парень ответил:

- Джонни перегрыз ему горло, как только получил новый импульс через мобильный телефон. Через минуту Клай умер в луже крови с именем сына на устах.

Билли лег на свою лежанку и завернулся в одеяло.

- Спокойной ночи, - сказал он устало, и задул стоящую рядом свечу.

Всю первую половину четверга Том выглядел измотанным и вконец обессиленным. Чтобы не думать о Билли и о поведенной им истории, он с Дениз договорился думать о небоскребе, сверкающем на горизонте. Постоянная картинка в голове должна была закрыть доступ к мыслям. Но, как оказалось, думать об одном и том же было не так-то просто.

- Я могу думать о трахающихся кроликах или об объятый пламенем рождественской елке, - пожаловался Том Дениз, когда они встретились на консервном заводе во время перерыва, - это не так важно, подобной ерундой мобилоиды не интересуются. Просто я так усиленно думаю о небоскребе, что они постоянно роются в моей голове. Кажется, она вот-вот расколется.

- Может, лучше думать о кроликах? - предложила Дениз. – Как видно, постоянные мысли о небоскребе их настораживают. Нужно было догадаться с самого начала, что будет именно так.

- У тебя голова, похоже, не болит. Ты не думала о небоскребе?– удивленно спросил Том.

- Нет. Я думала о яблоне, что растет во дворе нашего дома. Пару раз они рылись у меня в голове, но я в порядке.

- Черт! - выругался Том, прикладывая ладонь ко лбу. – Я просто хочу ни о чем не думать! Неужели это так сложно!?

Остальные люди, которых утренний сигнал отправил работать на консервный завод вместе с Томом и Дениз, свободно прогуливались по территории завода; казалось, их ничто не волновало. Кто как мог наслаждался свободной минутой отдыха. Молодой парень, которого Том пару дней назад видел на копке карьера, стоял неподалеку и что-то украдкой ел.

- Эй, малыш! – окликнул его Том. Парень пугливо оглянулся. В руках он держал кусок хлеба. – Ты ведь Крис, верно?

Измученный на вид, с кругами под глазами парень кивнул.

- О чем ты сейчас думаешь, Крис?

Парень посмотрел на Тома, как на умалишенного, однако без особого интереса. Собственно, ответ был написан у него на лице.

- Господи, - выдохнул Том, - ты только взгляни на этого счастливчика. В его голове вообще нет никаких мыслей.

- Бери с него пример, - посоветовала Дениз. – Как ты себя чувствуешь? Голова не проходит? – Дениз положила ладонь Тому на лоб.

Восемнадцать лет назад, когда все только начиналось, Том с Дениз просто старались держаться вместе. По привычке, потому что так надо. Даже когда чертов мир на всех парах катится к своему печальному концу, каждому нужен кто-то, о ком можно заботиться. Такова природа человека. Для Тома Маккорта Дениз Линк стала именно таким человеком. Том был рядом, когда родился Билли. Был рядом, когда тот же Билли сделал свой первый шаг в новом мире и сказал «мама» (а потом и «бапа»). Рука об руку они прожили восемнадцать лет под одной крышей, и более не мыслили существования друг без друга.

- Я постоянно их слышу, - пожаловался Том, сощурившись от боли. – Даже, когда сигнал не транслируется. Голоса в моей голове, они не умолкают. Чертовы твари! – выпалил он в сторону цехов, брызнув слюной. Несколько человек, бродивших поблизости, испуганно посмотрели в его сторону.

Дениз сочувственно похлопала Тома по плечу.

- Думай о кроликах, - сказала она на полном серьезе. – И попытайся расслабиться, это должно помочь. И, пока есть время, перекуси. Поговорим вече... - Женщина внезапно замолчала. Ее лицо, как и лицо Тома, в миг лишилось всяких эмоций. Рука безвольно сползла с плеча мужчины.

Маска тупого безразличия легла на лица всех сегодняшних рабочих завода. Безвольной походкой, словно зомби, они потянулись к входам в цеха, движимые невидимой силой.

- Полно работы, - пробурчала Дениз, глядя на Тома пустым взглядом.

- Рыбные консервы, - отозвался он, будто ответил на секретный пароль.

Присоединившись к толпе, они двинулись во мрак упаковочного цеха, где им предстояло еще семь часов кряду укладывать готовые консервы в картонные коробки.

Последние несколько дней, когда Билли во снах являлся один человек, Билли все чаще стал раздумывать над своей фамилией. Фамилия Линк досталась ему от матери, ибо отца у него как такового не было. Самая обычная фамилия, на которую в былые времена никто не обратил бы внимания. Но времена поменялись. «Линк» теперь было не просто словом, и Билли осознавал это все отчетливее. Не столько разумом, сколько всем своим нутром.

- Ты станешь связующим звеном, - сказал человек из сна. – Первой нотой в симфонии нового человечества. Но поторопись.

На вопрос о том, к чему такая спешка, человек из сна сказал, что «розы увядают» и не пожелал ничего объяснять.

Том сидел на краю грузовой платформы №9 и всматривался вдаль. Драгоценные минуты отдыха он тратил на созерцание привычной серой дымки и стаи ворон, кружившей над мусорным карьером. Выглядел он неважно. За весь день работы они с Билли не обменялись и словом.

- Ты в порядке, дядя Том? – спросил Билли, усаживаясь рядом. – Выглядишь усталым.

- Я и устал, - ответил Том едва слышно. – Я очень устал.

- Поезд скоро тронется, - сообщил парень. – Мы отправимся за периметр.

- Пусто, - вдруг произнес Том.

- Что?

- В голове, - пояснил мужчина. – Пусто.

Билли посмотрел на измученное лицо своего «дяди». Все эти годы Том заменял ему отца, и Билли был ему за это бесконечно благодарен. Парень не переставал корить себя за то, что раньше времени рассказал о своих планах, ведь в том, что происходило с Томом, была полностью его вина.

- Пусто, - повторил Том, покачав головой. – Наверное, им надоело наблюдать за кроликами, и они перестали рыться у меня в голове.

Билли вопросительно посмотрел на «дядю».

- Оставили меня в покое, - пояснил Том равнодушным голосом. – А теперь там пусто.

- Прости меня, - сказал Билли и захватил Тома в крепкие объятия. – Скоро все это закончится. Я обещаю.

Том взял парня за руку, но ничего не ответил.

Через минуту поезд тронулся, и они двинулись в сторону границы периметра, туда, где начинался настоящий Нью-Эйдж Сити. Всю дорогу мужчины молчали. Билли не отрывал взгляда от Оплота, что надвигался на них с горизонта, выплывая из серой дымки, словно огромный корабль-призрак. В это время суток в редких окнах здания горел свет, однако вся вершина небоскреба буквально утопала в огнях.

Словно свеча на именинном торте, отрешенно подумал Билли.

По мере продвижения, Билли видел и другие здания, стоящие на окраине города. Пустые, полуразрушенные, с зияющими чернотой окнами. И чем дальше они продвигались, тем больше их становилось. Своими черными глазницами они, казалось, наблюдали за поездом. Картину дополнял холодный пронизывающий ветер, поднимавший в воздух мусор: бумага, пластиковые бутылки, сухая трава – все это кружилось в легком вихре отталкивающего безразличия. Места эти казались такими пустыми и покинутыми, что Билли невольно содрогнулся. Даже на мусорном карьере, куда он с Томом по пятницам привозил мертвые тела, парень чувствовал себя не так одиноко.

На подъезде к станции, они увидели труп парня в комбинезоне мусорщика. Том его знал. Грег Уильямс жил через два дома от них. Месяц назад этот парнишка ни с того, ни с сего бросился бежать по рельсам в сторону периметра, размахивая руками и снимая на ходу одежду. Говорят, он пробежал чуть больше ста метров, прежде чем его убило током. Тело так и не убрали. Кто-то считал, что у парня поехала крыша, но Том полагал, что это просто выходки мобилоидов. Иногда они заставляли людей кончать с собой, тем самым нагоняя страх на остальных. А может, просто забавы ради.

На останках тела сидели несколько ворон и с интересом наблюдали за проезжающим мимо поездом. Одна из них, отхватив клювом клочок комбинезона, вспорхнула в воздух и скрылась из виду.

- Приехали, - буркнул Том.

Поезд медленно, скрипя тормозами, подкатил к перрону, на котором уже лежали пластиковые мешки с телами. Несколько десятков, может сотня. Неподалеку, у входа в подземный тоннель, ведущий в привокзальные помещения, стоял мобилоид - надсмотрщик. Без видимых физических повреждений, в хорошо сшитой рабочей одежде он стоял, скрестив перед собой руки. Глаза пустым взглядом смотрели на прибывших людей.

- Работать, - произнес он, не открывая рта.

Сигнал к работе прозвучал у мусорщиков в голове, и, спрыгнув с платформ, люди принялись таскать мешки. Билли вместе с Томом последовали их примеру.

Мешков было много, и носить их приходилось без остановок на перекур. У некоторых не хватало сил, и мешки выскальзывали у них из рук. Каждый знал, что плохо выполняемая работа могла наказываться, поэтому люди изо всех сил старались не ронять мешки.

Один из мусорщиков упал на перрон, споткнувшись о труп, когда было загружено пять платформ поезда. Вскочив на ноги, он потянулся к оброненному мешку, но мобилоид его остановил.

- Сюда, - приказал он.

Лишенный воли, мужчина подошел к надсмотрщику. Мобилоид указал на стену, у которой стоял.

- Бей, - произнес он равнодушным голосом, прозвучавшем в голове у всех людей. – Головой.

Мужчина оперся ладонями о бетонную стену и с размаху ударил головой о ее шершавую поверхность. Увидевшие это мусорщики в ужасе содрогнулись. Оставив работу, они как зачарованные наблюдали за казнью. После двух ударов стена покрылась темной кровью. На четвертый удар раздался хруст, и на стену выплеснулась часть серого вещества. Все это время мобилоид стоял рядом и невозмутимо наблюдал. Когда мужчина с кусочками мозга на волосах упал в лужу крови и затих, мобилоид широко открыл рот и засмеялся, словно робот. И хохот его, сравнимый разве что со звоном бьющегося стекла, гремел в ушах, заставляя выть от боли. Мусорщики попадали на землю. Они схватились руками за голову, стараясь закрыть уши. Упали все, кроме Билли. Потому что на Билли телепатические способности мобилоидов не действовали.

Заметив, что один из людей стоит, мобилоид указал на него рукой.

- Ты. Сюда.

Билли двинулся в его сторону. Краем глаза парень заметил, с каким отчаянием на лице на него посмотрел Том, лежа у самых рельс.

Перешагивая через лежащих на земле людей, Билли подошел к перрону и легко на него взобрался. Далее, шагая прямо по мешкам с телами, парень подошел к мобилоиду. Надсмотрщик посмотрел на Билли, но ничего не сказал. Он пытался проникнуть парню в голову, и узнать почему тот не упал на землю вместе с остальными. Не добившись доступа в мозг, мобилоид указал на стену.

- Бей, - сказал он.

И многие услышали эту фразу. И многим показалось, что в голосе мобилоида сквозила тревога и растерянность, если такое вообще возможно. Словно, он больше не знал других команд. И каждый почувствовал, что слово «бей» прозвучало как «делай хоть что-нибудь, ты меня пугаешь».

Парень приблизился к мобилоиду и положил руки ему на плечи.

- Знаешь, что у нас говорят в таких случаях? – спросил парень надсмотрщика, который судорожно давил на невидимую кнопку «бей», но не получал результата.

С размаху Билли вмазал головой мобилоиду в нос. Хрустнув, кость вошла тому в мозг, и бездыханное тело рухнуло парню в ноги.

- Hasta la vista, ублюдок.

Билли провел рукой по лицу, стерев кровь мобилоида, и повернулся к людям. Шокированные случившимся, люди вставали с земли, оглядывая и ощупывая себя, будто не верили, что еще живы. Кто-то стал показывать пальцем на Билли.

- Он избранный! – торжествующе прошептал он из мусорщиков. – Я видел! Этот парень убил мобилоида!

Люди забрались на перрон и образовали вокруг парня полукруг. Стали засыпать вопросами. Кто ты? Что нам делать? Что будет дальше? Билли отвечал сбивчиво, но и этого было достаточно. Они хватались за каждое сказанное им слово, откладывая его в уме, клали под сердце. Чтобы было о чем вспомнить вечерами в кругу семьи, ведь эти слова грели. У людей вновь появилась надежда, хоть и призрачная. Их глаза горели, как в старые добрые времена.

- Билли! – Том прорвался через толпу. – Билли!

- Отец! – крикнул парень, и во второй раз за день заключил Тома в объятия. Том плакал в объятиях своего мальчика, переполняемый эмоциями.

- Боже мой! Боже мой! – повторял без конца Том, радуясь, что Билли одолел своего первого в жизни врага, спас людей, и в первый раз, с тех пор как ему было два года, назвал его папой. – Как же я испугался!

- Все в порядке, - сказал Билли Тому в плечо. – Но нужно торопиться, у вас мало времени.

- Конечно, конечно, - проговорил Том, вытирая слезы грязными руками. Он отпустил Билли и посмотрел на окружавших их людей.

- Это мой сын, - с гордостью сказал Том. - Делайте, как он говорит.

Люди понимающе закивали. В их взглядах читалось бесконечное уважение к человеку, который в такое нелегкое время смог воспитать настоящего героя.

- Грузите оставшиеся тела и возвращайтесь, - сказал Билли. – Дальше я сам.

- Что ты намерен делать? – спросил средних лет мужчина, выходя из толпы.

- В наших интересах этого лучше не знать, поверьте мне, - ответил Том так, чтобы его все услышали. – Наши мысли могут прочесть, а это ставит все под угрозу.

- А разве наши мысли сейчас не читают? – спросил кто-то.

- Нет, - ответил Билли, - но это может случиться в любой момент, так что поторопитесь. Возвращайтесь к своим семьям и надейтесь на лучшее.

С этим согласились все и не стали задавать больше вопросов. Мусорщики принялись грузить оставшиеся мешки на платформы.

- Удачи тебе, Билли, - сказал Том и крепко, по-мужски, пожал руку Билли. – Обязательно возвращайся.

- Обязательно, - пообещал парень. – Позаботься о матери.

Обняв на прощанье Тома, Билли пошел в сторону подземного перехода, ведущего к привокзальным помещениям. Он прошел мимо двух мужчин, которые со слепой яростью пинали мертвого мобилоида. Тот лежал с широко раскрытыми, словно от удивления, глазами и дергался под ударами людей, будто плюшевая игрушка. В конце концов, люди имели на это право.

Пройдя мимо них, Билли стал спускаться по ступенькам и вскоре пропал из виду.

КРУГ РАЗМЫКАЕТСЯ

В ту роковую пятницу домой вернулся только Том Маккорт. Мобилоиды узнали о бунте, когда мусорный поезд не проехал и половину обратного пути, потому что люди без остановки думали о случившемся. Мобилоиды знали, что случилось, но не знали, кто проник в город. Даже коллективный разум не смог вычислить беглеца, и их это страшно бесило. Том видел, как над городом поднимался вихрь пыли и мусора, закрывая солнце. В воздух взмывали даже обломки автомобилей. Такое случалось только, когда ОНИ злились, что бывало крайне редко.

Несколько домов, стоявших вдоль железнодорожного полотна, с грохотом обрушились, когда мобилоиды начали копать в головах мусорщиков, выпытывая информацию. Люди металась по платформам поезда с криками боли, закрывая руками уши, из которых хлестала кровь. Многие не выдерживали и бросались с поезда прямо на рельсы. Одному мужчине отрезало колесами ноги, но он не умер. Он остался лежать на земле с кровоточащими культяпками, продолжая вопить вслед уходящему поезду.

Когда в живых не осталось никого, кроме Тома, буря прекратилась.

«Мы знаем, что в город проник твой щенок», - раздался у Тома в голове спокойный голос. – «Но мы тебя не тронем. Ты будешь жить и увидишь, как он умрет. Умрет у тебя на глазах. А потом ты скинешь его тело в карьер, где его сожрут крысы».

Том неподвижно сидел на платформе с чужой кровью на лице и смотрел прямо перед собой.

«И не переживай», - добавил голос, - «ждать осталось недолго».

Следующую неделю люди периметра жили как обычно. Ходили на работу, любили друг друга, вывозили «мусор»... и ждали вестей из города. Пару раз они видели, как над городом поднимались облака пыли. И это было хорошим знаком. Мобилоиды злились, и все знали почему. Неприметного вида молодой человек отправился в город, чтобы освободить остатки разумного человечества от рабства мобилоидов. Он был все еще там, и что самое главное – он был жив. Появилась надежда. Призрачная, но она витала в воздухе, как пыль над городом. Но в отличие от пыли, надежда не желала рассеиваться, и жить от этого хотелось только сильнее.

Впервые за долгие годы Том Маккорт видел сон. Он видел как Билли спустился в тоннель и по затопленному водой полу прошел до вокзала. Он видел то, что видел парень при свете дня: сотни мобилоидов, летающих над поверхностью земли, словно пчелы. Кипящий и бурлящий Нью-Эйдж Сити.

Видел как Билли дождался темноты и с вокзала добрался до ближайшей станции метро, где провел несколько дней, пока не повстречал...людей. Других. Для Тома, как и для Билли, это оказалось большим сюрпризом. Как выяснилось, в тоннелях под городом жили люди. В метро, в коллекторах подземных коммуникаций, даже в канализации. Ни сигнал с крыши Оплота, ни коллективный разум мобилоидов не проникал под землю, где «другие» остатки человечества нашли свое спасение.

И парень смог влиться в их ряды, смог объединить и дать надежду, как он это однажды уже сделал. В день своего восемнадцатого дня рождения Билли Линк возглавил освободительное движение подземных людей Нью-Эйдж Сити, выиграв первую символическую битву против мобилоидов новой эры. Однако основное сражение только ждало его впереди.